
А. А. АЛЕКСЕЕВ

Перспективы текстологии: от реконструкции архетипа к истории текста

Для текстологической школы Д. С. Лихачева характерны следующие принципиальные требования к исследованию: исчерпанность источников, их тщательное археографическое обследование, признание приоритета истории текста. Сам Д. С. недвусмысленно отмечал, что издание текста не есть единственная и конечная цель текстологии, ее цель — история текста.¹ Тем самым эта школа оказалась как будто бы равнодушна к принципам классической текстологии, которая представляет собою набор правил для издателя рукописного текста.² Вследствие этого она нередко подвергается упрекам и прежде всего за отказ от реконструкции архетипа. Так, М. Ф. Мурьянов неоднократно указывал в качестве положительного примера отечественным славистам на практику издания византийских текстов в нормализованном виде без орфографических особенностей, свойственных византийским копиистам,³ проф. О. Кронштайнер полагает, что отсутствие навыков школьного чтения классических авторов в реконструированном виде пагубно сказывается на эдичионной практике российских славистов, которые с излишним усердием передают случайные орфографические особенности списков и больше внимания посвящают приведению разночтений, чем их взвешиванию и эмендации текста,⁴ проф. Ричард Поп считает, что контаминированная текстологическая традиция не может быть распутана, потому природа самого материала вынуждает исследователя

¹ Соответствующие замечания разбросаны по многим страницам «Текстологии» Д. С. Лихачева, см., в частности, с 48—49 (2-е изд., 1983)

² Этому вопросу посвящено около одной десятой объема книги

³ Мурьянов М. Ф. О минее Дубровского // ВЯ 1981 № 1 С 121—122 Ср также Vrk-fellner S. Slavistische Editionstechnik // Wiener slavistisches Jahrbuch 1978 Bd 24 S 22

⁴ Kronsteiner O. Handschriften-Fetischismus oder kritische Ausgaben? // Die slavischen Sprachen 1993 Bd 34 S 47—65 М. Ф. Мурьянов и О. Кронштайнер согласны в том, что славистика должна отказаться от воспроизведения орфографического разнобоя в рукописях и перейти к нормализованной орфографии. Следует учитывать, однако, что диалектные черты славянской речи, как они проявляются в рукописях, важны для установления истории текста и его происхождения. Текст, возникший в XII в. у восточных славян, не может быть представлен в той же орфографической системе, что и текст, возникший в IX в. на славянском юге

прибегать к процедуре эклектической реконструкции, между тем слависты этого не делают, несмотря на то что основная масса текстов обладает как раз контаминированной традицией.⁵

Действительно, реконструкция очень редко применяется в нашей издательской практике. Опыты такого рода легко перечислить. Это две реконструкции летописи — А. А. Шахматова⁶ и Д. С. Лихачева,⁷ «Слова о полку Игореве» Д. С. Лихачева и Р. О. Якобсона⁸ и «Задонщины» Л. А. Дмитриева⁹ (как видно из этого перечня, Д. С. Лихачеву вовсе не чужда была практика реконструированных изданий). С другой стороны, нельзя не признать, что интерес к истории текста нередко приводит издателей к фиксации совершенно ничтожных разночтений в критическом аппарате, таких как чередование ять/е, жд/ж, которые загромаждают издания малосодержательной информацией, относящейся исключительно к истории орфографической нормы или, в лучшем случае, к истории языка, и должны занимать свое место в археографическом и лингвистическом описании источников.

Но реконструкция является неперенным условием всякого филологического анализа текста. Когда мы говорим о содержании и стиле средневекового произведения, об особенностях перевода, мы оперируем с реконструированным текстом, отвлекаясь от его конкретных манифестаций в отдельных списках. Правда, филологическая реконструкция, необходимая в этом случае, может охватывать лишь отдельные пассажи и компоненты текста, ее масштаб может быть скромным, а обоснование каждой текстологической гипотезы носить развернутый характер, каковой возможности обычно лишен издатель.

Итак, я бы хотел остановиться на вопросе о соотношении реконструкции текста и его истории в исследовании рукописного произведения: в какой мере эти два пути текстологического анализа ведут к одной и той же цели, в какой мере они расходятся между собой?

Гуманисты, явившись первыми издателями библейских текстов и литературных произведений античности, действовали точно так же, как их непосредственные предшественники, занятые размножением текста рукописным копированием. Цель была та же самая: никоим образом не научное издание текста, но

⁵ По п. Р. Некоторые мысли по поводу издания средневековых славянских текстов // ТОДРЛ СПб, 1996. Т. 50. С. 242—251.

⁶ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.

⁷ Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. М., Л., 1950, 2-е изд. СПб., 1996. Здесь ограниченной реконструкции подверглись лингвостилистические элементы.

⁸ Имеется в виду «нормализованный» текст «Слова», послуживший основой лексикографической работы в словарях. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М., Л., 1965—1984. Вып. 1—6. Št ev s k á T. Glossary of the Igor' Tale. The Hague, 1966. В первом словаре нормализация выполнена Д. С. Лихачевым, во втором — Р. О. Якобсоном.

⁹ Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подготовили Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982 (Серия «Лит. памятники»). Л. А. Дмитриев дает текст «Задонщины» по шести спискам с реконструкцией их общего протографа (см. комментарий на с. 370—371).

изготовление корректной его формы, освобожденной от ошибок переписчиков. Как и при рукописном копировании, источников могло быть несколько, чтобы через их взаимную сверку приготовить «правильный» текст. На славянском материале это хорошо изучено на истории подготовки к изданию Острожской Библии и результатах этой работы. Иван Федоров и его сотрудники не помышляли о том, чтобы издать Кирилло-Мефодиевский перевод или реконструировать текст той Библии, которая якобы была переведена на Руси при князе Владимире Великом и копия которой пришла в Острог из Москвы.¹⁰ Они провели сверку славянского материала с греческим и латинским и кое-что исправили основательно, кое-что — слегка, руководствуясь не всегда сегодня понятными соображениями. При издании античных авторов, сочинения которых представлены единичными списками, какой бы то ни было оценки рукописных источников не производилось. Конечно, было всегда желательно найти еще один список того или иного произведения, чтобы проверить, как там читается то или иное место. Однако работа по выявлению рукописной традиции в полном объеме не могла ставиться всерьез при отсутствии описаний рукописных собраний, которые и сами только начинали создаваться. Итак, господствовавший тогда издательский метод мы называем конъектуральной критикой текста.

В XVIII в. после появления изданий греческого новозаветного текста Иоганна Бенгеля (1734), Иоганна Ветштейна (1751—1752) и Иоганна Гризбах (1775—1777), в аппарат которых вошло несколько сот источников, стал ясен объем вариантности рукописного текста; тогда только проблема реконструкции архетипа стала восприниматься как научная задача. Именно И. Гризбах составил наиболее полный перечень текстологических правил выбора лучшего чтения, которые опирались уже не только на смысл данного места, но и на авторитет рукописного источника. Для этого ему пришлось вслед за Иоганном Землером прибегнуть к теории локальных типов новозаветного текста — александрийского, западного и византийского — с установлением авторитетности каждого из них. С тех пор текстологическая практика идет двумя путями: 1) через оценку данного места по совокупности рукописных свидетельств тем или иным образом выбирается лучшее чтение для включения его в текст либо 2) через оценку совокупности источников предпочтение отдается чтениям того источника, который признан лучшим. Первый путь критики текста называется эклектической реконструкцией. При эклектической реконструкции издатель действует так же, как средневековый редактор, хотя набор формальных приемов анализа, которыми он пользуется, гораздо шире. В результате возникает новая копия текста, которая не совпадает ни с одним из рукописных источников и которая, являясь обобщением рукописного материала, содержит больше первичных элементов текста, чем каждый рукописный источник в отдельности. Этим собственно полагается предел возможностей такого рода реконструкции. Чтобы повысить ее результат, необходимо ввести дополнительный критерий авторитетности источников, а это значит построить генеалогическую стемму

¹⁰ См.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 204—216.

отношений между источниками; лучшим из них признается тот, который может быть признан самым достоверным свидетелем архетипа или оригинального текста.¹¹ Этим путем снимается противопоставление двух основных методов исследования. В нашей практике под текстологическим исследованием понимается прежде всего именно генеалогическая оценка источников. В случае издания текста лучший список принимается основным и его текст подвергается определенным конъектурам для устранения, например, явных ошибок. Генеалогическое исследование списков сталкивается с двумя ограничениями: 1) нет и не может быть никакой гарантии, что все без исключения чтения лучшего источника являются архетипическими; 2) в случае контаминированной традиции сама стемма, как правило, не может быть установлена, т. е. выявление лучшего источника затруднено или невозможно.

Текстологическая практика старой русской филологии небогата достижениями. В эпоху бурного освоения средневекового рукописного наследия во второй половине XIX и начале XX в. господствовало издание отдельных списков, в числе которых образцовыми, безусловно, являлись издания И. В. Ягича.¹² Критический аппарат в ту эпоху, как правило, характеризовался непоследовательностью проведения выбранных приемов, неточностью. Довольно хорошим аппаратом снабжено издание Коломенской Палеи 1406 г., приготовленное учениками Н. С. Тихонравова в подарок учителю;¹³ по-видимому, лучший аппарат находится в издании книги Бытия А. В. Михайлова, в котором приведены все источники текста и все разночтения из них с предельной аккуратностью.¹⁴ Текстологические схемы, предложенные в ту эпоху для отдельных произведений, как правило, были неверны. Объемное, по 112 спискам, издание Евангелия от Марка А. Г. Воскресенского предложило не более того, что сказал в начале XIX в. Иосиф Добровский, потому не решило вопроса происхождения и истории евангельского текста, да к тому же внесло в эту историю такую аберрацию, как мысль о русском происхождении полного апракоса.¹⁵ Исследование и издание И. Е. Евсева книги Даниила¹⁶ объединило в одной редакции два разных перевода.¹⁷ До нашего времени от той эпохи сохранила свое значение,

¹¹ Есть смысл различать два эти понятия, имея в виду, что архетипическая рукопись, к которой восходят все остальные, может не совпадать с авторской копией.

¹² Однако и они не свободны от ошибок. Так, в его издании Зографского евангелия (СПб., 1879) ст. Ин 6.17 читается и *въ галии*. *ѣдѣхъ на онѣ полѣ морѣ*. Слово *галии* вошло в лексикологические исследования и словари; лишь много позже Лешек Мошинский отметил, что в рукописи в действительности стоит *ладии*, как и во всех других списках Евангелия. См.: Moszyński L. *Ze studiów nad rękopisem Kodeksu Zografskiego*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961. S. 6.

¹³ Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1892.

¹⁴ Михайлов А. В. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1900—1908. Вып. 1—4.

¹⁵ Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций. М., 1894. См. критику: Сперанский М. Н. Рецензия на труды Г. А. Воскресенского // Отчет о 39-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1896.

¹⁶ Евсев И. Е. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.

¹⁷ См.: Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. С. 160.

с определенными поправками и оговорками, лишь текстологическая теория летописи А. А. Шахматова.¹⁸

Выдвигая положение о приоритете истории текста в текстологическом исследовании, Д. С. Лихачев ориентировался именно на опыт А. А. Шахматова, которому удалось показать историю редактирования летописи и выявить метод редакторской работы летописца. Научный результат этой части труда Шахматова получил большее признание, чем предложенная им реконструкция архетипа. Становилось ясно, что движение рукописного текста и есть история литературы. Задуманный перед началом войны под руководством В. П. Адриановой-Перетц большой коллективный труд по истории литературы Древней Руси ставил принципиальной задачей описание литературы по рукописным источникам, т. е. введение в поле зрения историка не обобщенных текстов, а их конкретных и изменчивых форм. Идея литературы как процесса была главной для отечественного литературоведения 20-х гг. и крайне характерной для формализма; к тому же неофилология, как правило, имеет возможность обращаться к авторским рукописям, ее интерес поэтому сосредоточен на двух моментах: истории создания авторского текста и истории его переработок при последующих публикациях. Д. С. Лихачев был не один, когда вносил в изучение древнерусской литературы приемы и концепции, выработанные в русле неофилологии, рядом с ним и несколько впереди его были В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий, И. П. Еремин. На материале древнерусских источников стали разрабатываться вопросы стилистики, проблемы жанра, столь характерные для неофилологии. Фактически новая литературоведческая наука о древнерусской литературе, сложившаяся накануне войны, оказалась в заметном разрыве со старой школой. И, как показывают дальнейшие события, текстологическое исследование стало наиболее привлекательной областью приложения научных сил и принесло наиболее заметные результаты. Серия монографических исследований Отдела древнерусской литературы, публиковавшаяся в 50-е и 60-е гг., в наибольшей мере характеризует успехи новой школы, наглядно показывая, что найденный метод стал восприниматься как основной путь исследования древнерусской литературы.¹⁹ Практические эдиционные задачи потеряли свою привлекательность, их выполнение требовало определенных технических навыков, но уже не казалось высоким творчеством.

Перенесение в ту сферу, где традиционно и, казалось, закономерно господствовали приемы и методы классической филологии, идей и понятий неофилологии значительно усложнило исследовательские задачи; оно, однако, обеспечило высокий авторитет самой науке. Это явление не носит чисто русского характера. Так, по авторитетному свидетельству Курта Троя, XIX в. был веком критики текста, тогда как XX в. стал веком истории текста.²⁰ Но кажется, что

¹⁸ См.: Творогов О. В. Повесть временных лет // Словарь книжников. Вып. 1. С. 338—341.

¹⁹ См.: Дмитриев Л. А. Некоторые итоги и перспективы издания памятников древнерусской литературы // РЛ. 1988. № 1. С. 220—226.

²⁰ Треу К. Überlieferungs- und Editionsprobleme der Patristik // Griechische Kodikologie und Textüberlieferung / Hrsg. von D. Harlfinger. Darmstadt, 1980. S. 613 (статья впервые опубликована: Svensk exegetisk årsbok. 1969. Vol. 24).

новаторство Д. С. Лихачева было вызвано логикой научного развития науки о древнерусской литературе, а не заимствовано из внешнего источника.

Восстановление архетипа путем историко-текстологического исследования значительно замедляет и усложняет решение проблемы. Исследователь должен повторить весь исторический путь, пройденный текстом, но повторение идет в обратном порядке, в порядке регресса. Снимая слой за слоем напластования позднейших исторических эпох, историк литературы, подобно археологу, должен выявить элементы первичного слоя и восстановить их взаимосвязь и взаимообусловленность. Необходимым условием является привлечение всех сохранившихся источников текста, потому что полнота картины обеспечивает ее точность. Не следует думать, что контаминированная традиция препятствует построению истории текста. Исследование должно оперировать в этом случае не отдельными рукописями, а группами рукописей, содержащих тождественный текст и, следовательно, генеалогически связанных друг с другом. Наличие периферийных рукописей, содержащих неразложимое сочетание двух разновидностей текста, характерных для двух различных групп, также не должно пугать. Принципиальным является нахождение центра или ядра группы, а не установления ее точного физического состава и четких границ. Центр группы и ее лучший представитель определяются всегда сравнительно надежно путем обычной филологической процедуры. Вопреки скептическим сомнениям Р. Попа, трудности генеалогического исследования не делают его лишним или ненужным.

Однако и эклектическая реконструкция правомерна только тогда, когда опирается на все без исключения источники текста. Фактически реконструкция заменяет нехватку источников, но она не должна рассматриваться как замена исследования рукописей. В свое время именно так появилась реконструкция славянского Четвероевангелия, выполненная И. Вайсом всего на 12 источниках из многих сотен и тысяч.²¹ При всех филологических достоинствах работы И. Вайса, которая уже не раз становилась объектом серьезного разбора,²² невозможно пройти мимо того факта, что значительная часть материала была ему просто неизвестна. Например, в Мф. 5.3 *влагни ништи доухомъ* у него отсутствует исключительно важный вариант *сѣмѣрини доухомъ*, сохраненный Типографским евангелием XII в. (РГАДА, ф. 381, 1). Еще более странной кажется издаваемая сегодня в Зальцбурге «реконструкция Мефодиевского перевода» некоторых ветхозаветных книг, сделанная на основе четырех-пяти источников,²³ тогда как общее количество славянских ветхозаветных списков редко превышает три-четыре десятка и, следовательно, не так велико, чтобы приходи-

²¹ Vajs J 1) Evangelium sv Matouše Praha, 1935, 2) Evangelium sv Marka Praha, 1935, 3) Evangelium sv Lukáše Praha, 1936, 4) Evangelium sv Jana Praha, 1936

²² См., в частности Ногалеk K Evangeliafe a čtveroevangelia Praha, 1954, Hannick C Die Rekonstruktion der altslavischen Evangelien bei Josef Vajs und ihre vermeintlichen griechischen Vorlagen // Interpretation of the Bible Ljubljana, 1998 S 943—958

²³ См. Sippl C Die Methodbibel Handshriftverzeichnis zu Band 1—9 // Die slawischen Sprachen 1997 Bd 54 S 3—97

лось отказываться от полного охвата рукописного материала. Нехватка источников ставит реконструкцию в зависимость от случайных обстоятельств, так что, в частности, процедура восстановления текста Мефодия попадает под влияние Острожской Библии 1581 г.²⁴ Реконструкция И. Вайса исходила из ложной оценки взаимоотношения древнейших источников текста, что стало очевидно после проведения обширного обследования рукописной традиции Евангелия, охватившего более 1100 рукописей XI—XVI вв.²⁵

Совсем недавно появился первый опыт реконструкции двух славянских текстов, выполненный на полном охвате рукописной традиции. Это сделал Вильям Федер в отношении текстов Пролога к евангелию Константина Преславского и Сказания о письменах черноризца Храбра.²⁶ Для реконструкции первого из них использовано 43 рукописи, для второго — 82, еще 19 неполного состава не привлечены. Невзирая на сравнительную скромность объема обоих памятников, обработка большого рукописного материала потребовала коллективных усилий и применения изощренной компьютерной технологии, что можно только приветствовать. В. Федер очень четко формулирует принципы эклектической реконструкции в двух следующих положениях: 1) все рукописи равны, и ни одна из них не тождественна архетипу; 2) все варианты равны, из них любой может восходить к архетипу. В полном согласии с методом эклектической реконструкции каждый пассаж текста рассматривается в отдельности, и по совокупности историко-филологических соображений принимается решение. Когда приходится выбирать между вариантами *кънигы прѣложи* и *кънигы прѣвѣдѣ*, решение в пользу *прѣложи* принимается на основе историко-лингвистических соображений и никаких возражений вызвать не может. Но вот автор доходит до известного пассажа: *конъстантътинъ философъ, нарицаемъ кѣн кѣрилъ, тѣ ны писмена сътвори и кънигы прѣложи, и Мефодии, вратъ его сѣтъ во юще живи, иже сѣтъ видѣли и*. Последняя фраза нередко признается интерполяцией, не принадлежащей автору,²⁷ но В. Федер включает ее, однако, в свою реконструкцию без каких-либо пояснений, хотя интерполяция встречается далеко не во всех рукописях. Серьезных доводов в пользу такого решения как будто бы нет, да избранный метод и не дает почвы для какой бы то ни было аргументации. Следовательно, точнее было бы называть конечный результат такого рода процедуры сводным текстом (*summary text*), а не реконструкцией. Этот метод равным образом неэффективен и при столкновении с ошибками, принадлежащими

²⁴ Это отмечено в работе Thomson F. J. *The Slavonic Translation of the Old Testament // Interpretation of the Bible* Ljubljana, 1998 P. 718

²⁵ См. Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб. Российское библейское общество, 1998

²⁶ Veder W. *Utrum in alterum arbitrium erat? A Study of the Beginnings of Text Transmission in Church Slavonic (The Prologue to the «Gospel Homiliary» by Constantine of Preslav, the Text «On The Script» and the Treatise «On The Letters» by Anonymous Authors)* Bloomington, Indiana, 1999. В пояснение заглавия книги следует сказать, что автор выделяет из «Сказания о письменах» в качестве отдельного произведения небольшой фрагмент «О грамоте»

²⁷ Ягич И. В. *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском и русском языке* СПб., 1885—1895 С. 311

архетипу. Орфографическая нормализация реконструированных текстов осуществляется на основании грамматики Августа Лескина (1910) и пражского Словаря старославянского языка (1958—1997), поэтому оба южнославянских автора получили ту правильную и одинаковую правописную внешность, какой не могли обладать их сочинения. Лингвистическая, и в частности орфографическая, унификация славянских текстов была выработана лишь в процессе исторического развития письменности, ее существование трудно допустить в X в. Следовательно, и в этом случае перед нами не историческая реконструкция, а условная нормализация. Безусловно, В. Федер прикрасно знаком с проблематикой истории текста и, например, при работе со «Сказанием о письменах» опирается на два серьезных текстологических исследования, выполненных в свое время Куйо Куевым и Альдой Джамбелука-Коссовой,²⁸ но создается впечатление, что, с его точки зрения, процедура реконструкции является замечательной текстологической процедурой, а не частью ее. Такая позиция кажется сегодня методологическим анахронизмом.

Тот тип издания, который выработался и нашел свои устойчивые формы в русле текстологии Д. С. Лихачева, я бы назвал историческим. Его пафос заключается в строго позитивистском представлении наличного рукописного материала, расположенного в исторической последовательности. Этот тип издания обладает многофункциональным характером: прежде всего он может использоваться для истории литературы, затем — при определенных условиях — для истории языка. Реконструкция сама по себе не вносится в это издание, хотя является одним из важных исследовательских приемов, позволяя формировать известные представления об архетипе и его последующих редакционных изменениях. Однако исторический тип издания не закрыт ни для одного приема, в том числе для эклектической реконструкции. Таким образом, эклектическая реконструкция не может сегодня рассматриваться как альтернатива истории текста, но только как ее дополнение.

²⁸ Куев К. Черноризец Храбър. София, 1967; Джамбелука-Коссова А. Черноризец Храбър. О писменехъ. София, 1980. Интересно, что эти авторы не согласны между собой в оценке названной выше интерполяции.